

День переходил в ночь, и Мара принялась расхаживать по переполненному трюму «Сокола», чтобы Натан не смог поймать ее в частном порядке, чтобы попытаться еще раз отговорить ее от перехода на «Осу».

На исходе время - им не хватало времени. У них было десять часов, а идти некуда. Так близко, и деваться некуда. Навигационные карты к системе Толатин были вытащены на голографический стол, чтобы проецировать трехмерное изображение над ним, в то время как все собирались вокруг, чтобы смотреть, как будто что-то просто выскакивает из голографического изображения на них.

Это была система среднего размера, и хотя был заселен только сам Толатин, и только на хребте Эссау, он все еще был заполнен пятью планетами и девятью лунами. Восемь из этих богатых минералами лун в настоящее время добываются, что означает постоянный поток кораблей, и сигналы связи поступают и выходят из них, что еще больше усложняет ситуацию.

Так что они сели, ожидая известия от Каррде, который искал контакты на Хребте, а Соло и вуки уже дважды ходили туда и обратно в поисках зацепок. Но Осы не было в Хребте. Мара знала это абсолютно сейчас, знала это каждой фиброй своего существа - этого не было на Толатине.

Она нигде не могла прочитать знакомого присутствия Люка. И да, он был бы спрятан исаламири, но все же одна мысль продолжала грызть ее: что, возможно, он уже мертв... может быть, поэтому она не могла его почувствовать. Так что она шагала по трюму, пока все остальные сидели вокруг голографического снимка, зная, что они могут добраться до одной луны, может быть, двух, если они выберут те, что находятся ближе, и попытаются сузить варианты логики.

Мара снова взглянула на голограмму, едва слыша голоса других, когда они обсуждали возможности, отчаянно нуждаясь в чем-то, чем-нибудь, что могло бы дать им направление ...

И она остановилась, снова глядя на систему, ее девять лун и пять планет, вращающихся в режиме реального времени в сложном трехмерном представлении, шум, аргументы и споры утихли, и откуда-то изнутри нее раздался единственный тон, вызывающий волосы на затылке.

Лея повернулась, и в тот же момент ее охватила непроизвольная дрожь... и постепенно, за один и два, те, кто находился вокруг голографического кадра, обратились к медленному вниманию, пока Мара шла к голокарте, как будто ее тянули за веревку.

Вот... это было прямо здесь! Все ее внимание было сосредоточено на мертвой, ржавой луне на голограмме, ее атмосфера давно исчезла, пыль на ее рябой поверхности покраснела. Когда она попыталась заговорить, ее голос был хриплым шепотом.

"Эта луна - как ее имя?"

Хан нахмурился.

«Это Луа Вермилла; девять часов полета».

Луа Вермилла... Бочче... это означало «Красная луна».

Красная луна. Видение, которое она увидела в первый раз, когда она увидела, как Люк призвал к себе Силу, задолго до того, как он служил Палпатину, кристально мелькнуло в ее голове - . Вой крадущегося волка. Солнца-близнецы, пепельная луна, обожженная кроваво-

красным цветом, все меняется, верность оспаривается, верность решена ... Кроваво-красная луна Красная луна. Был ли ответ уже тогда, события уже были запущены, как шестеренки замка, падающие домой? Давно ли Сила давала ей ответы на вопросы, которые она еще не знала? Красная луна. Осознание пробежало по ее спине и отозвалось абсолютным, неоспоримым знанием в каждой клеточке ее существа.

«Вот где они», - сказала она, зная это полностью.

"Прямо там." .

. Люк очнулся, уже привязанный к столу, спина и плечи болели, боль пронзила их, когда он попытался поднять голову. Стол все еще был покрыт засохшими остатками крови из его все еще покрытых корками руки и кисти, ткань потертого и грязного летного костюма была отмечена просачивающимися алыми пятнами в местах, где она прилипла к ранам. Мадин сидела напротив него, слегка откинувшись на спинку стула, свежая и проснувшаяся, в военной куртке и свежей, чистой рубашке, поэтому Люк предположил, что это уже другой день. Медленно, натянуто, он выпрямился сидит, интересно, если бы он был оставлен на ночь привязанной ... Мадин откинулся назад, стул слегка скрипнул.

"Доброе утро."

Доброе утро...

"Тринадцать."

"Какая?"

«Тринадцать; день тринадцатый».

Мадин улыбнулся.

"Не повезло некоторым".

Люк тихонько захохотал. Он чувствовал себя оцепеневшим и разрозненным, оторванным от реальности, но ясным; наркотиков пока нет - или их не так много, чтобы иметь дело с ними. Больше различить было трудно.

«Я думал, мы поговорим о твоём наследнике сегодня».

Люк слишком быстро посмотрел вниз, заставив комнату закружиться вокруг него.

«У меня его нет».

«Ты уже сказал мне, что знаешь».

Сколотая и испачканная поверхность стола начала ползать и искажаться в глазах Люка. Он слегка покачал головой.

«Нет, я этого не делал».

Мадин насмешливо усмехнулась.

"Думаешь, нет?"

«Я ничего тебе не сказал».

Люк осознавал, как медленно наклоняется вперед, уже измученный, время от времени напрягаясь от спазмов в животе. Слишком долго без наркотиков - или слишком долго с ними, трудно сказать.

«Мне не нужны были подробности. Достаточно было знать, что это правда, и это было написано на твоём лице. После этого было несложно разобраться; я просто смотрел на Корусант и женщину, которую ты поставил у власти. Вы бы не поставили никого перед матерью вашего ребенка - вы знаете, что она будет поддерживать Империю, пока не достигнет совершеннолетия ».

Мадин ехидно улыбнулся, снова откинувшись на спинку стула.

"Личная заинтересованность."

Люк хранил молчание, первые приступы паники начали усиливаться.

«Я надеюсь, что вы попрощались с ней перед отъездом. Если нет, то у меня сейчас команда направляется на Корусант... Я попрошу их передать ваши... сожаления».

Люк вскочил на ноги, прежде чем понял это, и бросился вперед. Увязка остановила его, когда он дернулся за нее, игнорируя боль, разрезавшую его руки,

«Позови их обратно! Мадин рассмеялся над борьбой Люка.

«Посмотри на это. Я впервые увидел в тебе какие-то настоящие человеческие эмоции, ты это знаешь?»

Он взглянул вверх, и две пары сильных рук вышли из-за спины Люка, толкая его назад в борьбе. Все еще охваченный гневом, Люк полуобернулся, чтобы ударить пяткой своей босой ноги, теперь, когда они были достаточно близко, поймав ближайшего человека сильным боковым ударом по его коленной чашечке и с удовлетворением услышав хруст, когда его нога подалась. неловко ... но в конце концов было то же самое.

Он был слаб, истощен и привязан, и тяжелыми ударами и грубой силой они заставили его отступить. Мадин ждала, наблюдая, пока Люк не будет подавлен. Затем он снова улыбнулся, сузив глаза.

«Все это время мы не должны были говорить ни об одном, ни о другом - мы должны были говорить об обоих. Я заключу с тобой сделку, Скайуокер; дай мне коды, и я отзову их».

Все еще задыхаясь, Люк, разорванный, поднял глаза. Воспоминания о лице Мары, о ее улыбке, о ее голосе - тысяча мгновений ворвалась в его мысли, усиленные наркотиками, которые пронесли его организм на фоне этого выброса адреналина. Ее слова, ее сила, ее абсолютная вера: « Я доверяю тебе».

«Я не могу... я не могу дать вам коды».

"Очень плохо."

Мадин встала и отвернулась.

"Подождите!"

Мадин остановился, глядя на него.

«Коды».

"Я не могу!"

«Потом она умирает - и ребенок с ней».

Он не мог потерять Мару, он не мог... Но он не мог отказаться от флота и решить судьбу сотен тысяч существ по обе стороны водораздела. Невозможно направить галактику для другой войны в масштабе Войн клонов, не может дать Мадину такую силу.

«Не... не спрашивай меня об этом».

«Я только что это сделал. Все, что мне нужно, это твой ответ».

Люк беспомощно упал вперед, тяжесть давила на него так сильно, что он едва мог дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Его голова упала в руки на стол, потерянный.

«Ты сын ситхов ... ты же не собираешься мне говорить?»

Голос Мадин был наполовину веселым, наполовину отвращенным.

«Я не могу вам сказать».

Люк покачал головой, не поднимая ее, с закрытым лицом, зная, что любое обращение бесполезно, но не мог поступить иначе.

«Не... пожалуйста, не делай этого. Что угодно... Я сделаю все, что ты попросишь... только не делай этого». . .

Стоя на полпути между Скайуокером и открытой дверью камеры, Мадин долгие секунды смотрела на человека, сломленного и отчаявшегося, но неспособного подчиниться. Он почувствовал, как его охватила медленная ухмылка, зная, что у Скайуокера здесь нет способностей; нет никакого способа узнать ложь, если это было сказано... и искушение было слишком сильным. Подойдя к краю стола, он наклонился ближе к Скайуокеру, и его голос был не более чем шепотом.

«Мы уже сделали это. Она уже мертва».

По-прежнему держа голову в руках, Скайуокер замолчал, даже не вздохнув. Мадин улыбнулся.

«Ей действительно не следовало продолжать ходить среди такой толпы. Но ты знаешь, она так сильно хотела этого ... сплотить людей на свою сторону. На ней было твое кольцо, ты будешь счастлив узнать. Я вытащил из твоей руки ".

По-прежнему никакой реакции, Скайуокер все еще злое.

«Одет во все белое. На самом деле это весьма символично - еще один невинный, убитый из-за вас... двое, по правде говоря. Вы не можете быть более невинным, чем нерожденный ребенок, не так ли?»

Скайуокер вскочил, чтобы нанести удар, когда стул с грохотом ударился прочь от него, испустив вопль безудержной ярости, его ярость была такой, что он фактически потащил

вперед тяжелый стол, держась за запястья. Мадин сделал быстрый шаг назад, за пределами его досягаемости, с легкой самодовольной ухмылкой наблюдая, как двое солдат позади Скайуокера вмешались, чтобы удержать его, заставили ударить его по задней части колен, чтобы сбить его с ног. Он немедленно оттолкнулся снова, грубая агрессия дала ему возможность снова тащить тяжелый, громоздкий стол вперед, пока солдаты не сбили его, один из них нанес удар по почке на этот раз, который действительно уронил его, заставив его согнуться пополам, задыхаясь и запыхавшись. «Еще один», - без эмоций сказала Мадин.

Тинель нанес тяжелый удар по голове Скайуокера сверху и в сторону, со всей силой руки и плеча за ними, и Мадин смотрела, как его тело еще больше опускается, голова кружится, плечи расслабляются. Убедившись, что Скайуокер не может подняться, он спокойно обошел край стола и присел рядом с задыхающимся, полубессознательным мужчиной.

«Для Пн», - прошептал он.

«Теперь мы в расчете».

В течение долгих секунд он оставался достаточно близко, чтобы Скайуокер бросился на него, надеясь, что он это сделает. Но вся борьба прекратилась - и Мадин знала, что не изза побоев. Он встал, используя ногу в ботинке, чтобы вывести Скайуокера из равновесия, и наблюдал, как тот рухнул боком, полностью растянув привязь, затем повернулся и вышел из камеры, удовлетворенный.

Меньше часа; они были менее чем в часе езды от Луа Вермиллы, и Мара шла через главный трюм «Сокола» в поисках инструментов с саблей в руке. Ее сердце сжалось при воспоминании, еще достаточно свежем, чтобы ужалить, о Люке, который подарил ее ей таким изящным, сдержанным образом.

«Я думал, ты заслуживаешь чего-то более элегантного».

Она остановилась, осознание того, что она только что увидела краем глаза, заставило ее повернуться. Соло сидел за голографическим столом, на его поверхности был разобран бластер, а компоненты были разбросаны по сторонам, пока он возился с главным реле.

"Пожалуйста, скажите мне, что это не ваш бластер?"

«Это может быть...» - осторожно сказал он.

«Соло, до возврата осталось меньше часа. Почему ты выбрал именно сейчас, чтобы начать возиться с этой штукой?»

«Я должен повозиться, когда нервничаю».

Она подошла к нему, села на изогнутую кушетку для ускорения и начала разбирать детали на голостолике.

«Прямо сейчас под твоим сиденьем стоит тот же сломанный скремблер субчастиц, который был там, когда «Сокол» впервые был доставлен на Корусант. Ты не мог его вытащить?»

«Привет», - сказал Хан в синяках.

«Я могу собрать этот бластер примерно за шесть минут - в темноте».

«Хорошо, сделай это сейчас. Я рассчитаю тебе время».

Она многозначительно протянула ему разобранный приклад. Хан взял приклад, кивнув на саблю, которую она все еще держала в другой руке.

"Что-то не так?"

Мара посмотрела вниз.

«О, защелка на моем ремне немного ослабла. Я была...»

Она замолчала, понимая, что он говорит.

"Я думаю, мы оба возимся, когда нервничаем, а?"

Соло улыбнулся.

«Вы заметите, что мой световой меч цел. В отличие от моих нервов, с вами».

Она многозначительно посмотрела на стол снова и со вздохом Хан наклонился вперед и взял основной блок питания бластера, подключив питание. - Во всяком случае, для чего у тебя эта штука? Она ему сказала? Люк доверял ему, и, по правде говоря, Мара начинала чувствовать то же самое, но все же...

«Это для Люка - когда мы его найдем».

Хан посмотрел вниз и нахмурился, заряжая затвор отдачи.

«Знаешь, он не может... я не думаю, что он будет в какой-либо форме, чтобы...»

"Я знаю это."

Мара услышала, как ее собственная нога отрывисто постукивает по плитам палубы. Она быстро положила саблю, как будто она была горячей.

"Волновался?"

Голос Соло был обманчиво небрежным.

«Вряд ли», - неуверенно отклонила она.

«Я волнуюсь. Боюсь, что мы выйдем со скорости света в какое-то темное пятнышко в дальнем конце ниоткуда, и потратили девять часов, чтобы добраться туда».

По привычке Хан облизал большой палец и коснулся им точек, соединяющих прямую подачу силового агрегата, чтобы проверить это, дернувшись назад от небольшого удара, который он получил. Мара нахмурилась, но взяла разобранный ствол со стола дежарика и задвинула компенсатор на место, повернув его, чтобы зафиксировать.

"Думаешь, там ничего не будет?"

Ей тоже приходила в голову мысль, много раз - что она все основывает на каком-то смутном воспоминании о далеком видении ... Хан пожал плечами и с обнадеживающим щелчком прижал тело к прикладам бластера .

«Я просто говорю, что мы должны быть готовы к этому, вот и все».

«Я готов к тому, что его там не будет. Я просто не знаю, готов ли я к...»

Она замолчала, и Соло глубоко вздохнул.

«Мы не должны втягиваться в попытки предугадать, что они сделали с ним, а что нет».

Мара пожала плечами, не желая, чтобы ее заставляли думать об этом снова. Она провела достаточно бессонных ночей и напряженных дней, сочетая свое воображение и то, что имперская разведка знала о Мадине и его легендарном характере. И даже с учетом исаламири, поскольку Мадин сумел удержать Люка там, где он хотел, она решила, что он, должно быть, действительно употребляет наркотик ... что означало, что Люк, вероятно, уже понял правду ...

Она замолчала, высвободив дуло бластера, когда Соло схватил его, чтобы вставить на место, защелкнув тяжелый прицел и подключив шнур питания. Он поднял бластер, прищурившись, в уже активный прицел.

«Вот, видите? Это заняло какие... минуты».

Мара вернула свои мысли к настоящему, приподняв брови, глядя на него.

"Вы действительно что-нибудь с этим сделали?"

«Конечно, сделал. Через некоторое время контакты на них немного нарастают. Я их все почистил».

Мара взглянула на пустой стол.

"С чем?"

«Лучший уборщик, известный человеку - слюна и край моей рубашки».

"Что у тебя?" - спросила Лея Органа со своего места в кресле-стрелке кабины «Сокола», а Мара встала, чтобы лучше разглядеть пыльную красную луну.

«Три эсминца в считанные часы, а также заградитель чуть дальше», - ответил Натан по переговорному устройству в кабине, взглянув на Мару.

«Еще шесть эсминцев девятнадцать часов спустя - хотя, если мы получим «Императора», очевидно, что все корабли флотилии придут».

Она знала, что это было неплохо. Она уже сказала Натану в частном порядке, что что бы ни случилось, он не оставит Люка, если - однажды - они его поймут. У него был трекер, частота которого уже была передана адмиралу Джоссу. По правде говоря, она доверяла Соло и Лее Органе, чтобы довести дело до конца - даже Каррде, - но вскоре должно было появиться много повстанческих и имперских кораблей - и, следовательно, множество нервных военных типов с собственными идеями - в непосредственной близости, очень скоро.

Поскольку Люку потребовалась немедленная операция, чтобы извлечь рабский чип, а два небольших корабля повстанцев уже были здесь, они должны были быть туда изначально, но знать, что к ним приближается Запретитель, было бы... обнадеживающим.

Соло оглянулась на нее, когда они сделали высокую орбиту вокруг Луа Вермиллы, направляясь

к единственному известному поселению, колонии добычи селена, местоположение которой было указано Каррде, теперь беспорядочно взлетающей с носа.

«Запретитель будет очень полезен, если мы их напугаем».

«Мы не можем рисковать и ждать - это перенесет нас на четырнадцатый день.

Мы пойдем с войсками повстанцев», - твердо сказала Мара.

«Сол» и «Зефир» теперь отставали на час, и в этот момент оставалось всего два часа до полуночи и начала четырнадцатого дня, когда Мадин публично пообещал казнь Императора, если только повстанческие войска будут единственными, кого Мара имела, то они были тем, с чем она пошла.

Мадин не собиралась тащить Люка к полуночи, она знала это, но, тем не менее, Мара боролась с нарастающим желанием действовать. Три отряда повстанческих солдат на борту «Сол» и «Зефир» поставили бы их примерно наравне с людьми Мадина, а их прибытие через час приблизило бы запланированный удар к полуночи, подходящему времени для такого рода атак. когда люди были в упадке.

Это может помочь вам выиграть десять минут с профессиональной командой спецназа ... но она воспользуется этим преимуществом, если сможет. Прямо сейчас им нужно было определить точное местонахождение «Осы», и контакты Каррде сказали, что, что неудивительно, на площадках шахтерской колонии находились грузовые перевозки. Им нужно было сделать медленный пас и проработать логистику местности и удара, чтобы быть готовыми к действию в момент прибытия подкрепления.

Когда через несколько минут «Сокол» пролетел над единственной шахтерской колонией Луа Вермиллы на большой высоте, Мара была готова к тому, что среди транспортов может не оказаться грузового корабля шестого класса ... потрепанные грузовые суда, все на площадках вокруг главного здания. Соло резко выругался по-кореллиански.

"Ну что, черт возьми, нам теперь делать?"

"Вы получили показания?" - спросил Натан, вставая, чтобы лучше рассмотреть проходящие мимо.

"У кого-нибудь есть подпись высокой мощности?"

Вуки с нетерпением ждал ответа, который Соло перевела, не отрывая глаз от удаляющихся подушечек, когда «Сокол» наклонился, чтобы держать их в поле зрения как можно дольше.

«Все активны, у всех одинаковая мощность».

Мара наклонилась к коммуникатору «Сокола» .

«Каррде, ты узнал в каких-нибудь из этих грузовых судов регулярные рейсы?»

«Нет, нет».

Соло повернулся к ней.

"Разве вы не узнаете это?"

«Эй, это был серый сухогруз шестого класса с несколькими несовпадающими панелями - после десяти лет использования все они выглядят одинаково».

"Показания Lifesign на них всех?" - спросила Лея, не отвлекаясь от обзорного экрана.

Вуки зарычал еще раз.

«Подожди, досветовые двигатели Осы !» - подсказал Натан.

«Разве они не были частично разобраны, когда вы видели это на станции Квенн?» Соло повернулся назад, он и вуки наклонились вперед.

«У них у всех есть подсвет ... следующая идея?»

Мара знала, что он не сказал того, о чем они все думали, - что, возможно, это был никто из них. Вуки издал еще один тихий возглас, когда Соло сел, пытаясь сохранить оптимизм.

«Да, я полагаю, если бы у вас был готов собранный комплект на борту, вы могли бы выпустить их в открытый космос и установить за три или четыре дня, если бы у вас была пара десятков человек в запасе».

Мара нахмурилась, глядя на грузовые корабли... дюжину человек в запасе, что он и сделал. Плюс место для их хранения в одном из трюмов сухогруза. Дюжина мужчин ...

«Подожди минутку...»

Она поднялась и посмотрела, как Соло повернул «Сокол» по другой широкой дуге, не подбирая фрахтовщики слишком близко.

«Последнее грузовое судно, самое дальнее... сколько жизней?»

Хан перевел ворчливое рычание Чуи.

«Может, сорок, разложите».

Мара покачала головой... потому что не получила ни одного. Не один. На самом деле она вообще ничего не считала в Силе с последнего грузового судна. Это было совершенно пусто, как изъян в ее чувствах, как пузырь в ее восприятии.

"Вот-вот оно! Это Оса !"

Соло нахмурился.

"Как, черт возьми, вы это решаете?"

Лея обернулась с надеждой.

"Уверен?"

Мара кивнула твердым голосом, чтобы выразить уверенность.

"Это оно."

Лея повернулась к Хану, который недоверчиво уставился на нее.

"Серьезно, мы делаем это только на цифрах?"

Ее ответом было наклониться к коммуникатору.

«Каррде? Мы сделали его последним шестым классом на блокноте - самым дальним».

«Мы сделаем низкий проход с ее левого борта», - ответил Каррде.

«Посмотрим, сможем ли мы рассказать вам об этой земле».

«Не подходи слишком близко - и пусть тебя не поймают, просматривая его. Мы не хотим начинать эту вечеринку, пока не прибудет резервный».

Соло удерживал более узнаваемый «Сокол», оставаясь высоко, пока датчики в кабине получали массу информации, передаваемой от «Уайльда Каррде»: щиты, видимые огневые точки, мощность и тепловые точки внутри «Осы». Взгляд Мары переместился с пачки ценных данных на Осу далеко внизу ... что-то ...

Она уставилась ... Лея наклонилась мимо нее, изучая далекую посадочную площадку. «Можем ли мы сесть на дальней стороне горного комплекса? У нас есть войска в часе езды, мы могли бы захватить комплекс первыми».

Мара едва слышала эти слова, глядя на грузовое судно. Что-то ... Она вспомнила, как сидела со скрещенными ногами, Люк проводил пятую ночь подряд, обучая ее слушать, иногда быть готовой быть ведомой Силой, что было для нее трудным делом. Вспомнил его слова, когда он пытался ее увлечь: «Иногда это так незаметно ... как увидеть звезду, не глядя прямо на нее». «Слишком много шансов для Мадина быть предупрежденным».

Голос Соло, далекое отвлечение.

«Нам лучше сесть прямо над обрывом и пройти его с ребризерами. У нас есть разумная гравитация, но нет атмосферы».

Что-то... на кончике ее языка, вроде мысли, которая не приходила.

«... как увидеть звезду, не глядя прямо на нее».

Она закрыла глаза, закрыла физическое, осязаемое, опору, к которой всегда обращалась и от которой зависела ... Что-то ... Ощущение пробежало по ее спине, волосы на руках и шее встали дыбом, когда она повернулась, охваченная страхом, настолько сильным, что она сжала горло и понизила голос до прерывистого шепота.

"Что-то не так."

Лея мгновенно обернулась.

"Какая?"

Мара уже на большой скорости выезжала из кабины, Лея Органа сомкнулась на хвосте, а Хан вытянулся из кабины пилота.

«Что-то не так. Нам нужно идти прямо сейчас!»

"В настоящее время?" - спросила Лея, когда они остановились в конце небольшого коридора к

главному трюму.

«Мы можем собрать здесь целую оперативную группу за один час. Специализированные войска со специальным оборудованием».

«Мы не можем ждать - мы идем сейчас».

Мара покачала головой, движимая силой сильнее, чем логика в словах Органы, абсолютно зная. Она понизила голос, сказав только Лею.

«Скажи мне, что ты этого не знаешь ... на самом деле остановись и просто послушай. Я знаю, что ты чувствуешь это в глубине своего живота, что он шепчет прямо сейчас на грани твоих мыслей. Я знаю, ты это чувствуешь ... вы можете прикоснуться к Силе. Слушайте, что она вам говорит ».

Лея колебалась.

"Как ты можешь так доверять этому?"

Мара полностью ее понимала. Даже осознавая его присутствие как фоновый шум, на протяжении всей своей жизни она так тесно ассоциировала Силу со своим старым хозяином, Палпатином. Теперь, когда Палпатин ушел, Люк стал эталоном, на который она смотрела и ассоциировалась с Силой... и поэтому ответ был очевиден.

"Как ты можешь не делать этого?" - просто сказала она.

Лея нахмурилась, не сводя глаз с бухты Сокола, когда она впервые попыталась действительно прислушаться к этому голосу, получив разрешение каким-то странным образом собственной непоколебимой верой Мары ... Так близко к ней, Мара чувствовала движение ее мыслей, когда она пыталась ухватиться за эту общую связь. Когда она пережила момент головокружения, сужения возможностей и увеличения рисков... Луа Вермилла... красная луна... кроваво-красная луна... кровавокрасная... кровь... Прилив тошноты, мгновение свободного падения, когда собственное горло Мары снова сжалось от сочувствия к пониманию Леи. Лея задохнулась, пошатываясь, чтобы сделать шаг назад по короткому коридору к кабине, когда она крикнула Хану, широко раскрыв глаза.

"Мы должны войти!"

«Погодите, что случилось с планированием...»

Достигнув его, Лея схватила его за плечо, ее голос повысился от страха.

"Хан, просто сделай это!"

Люк лежал на боку в камере, усталый и запыхавшийся, постоянно дрожал, живот сводил судороги. Но вот оно - ему нечего терять. Он так долго сдерживался, потому что знал, что шансы были против него, но теперь... теперь шансы не имели значения. Он чертовски хорошо знал, что его шансы на побег практически равны нулю, и даже эта небольшая вероятность будет сведена на нет, если Мадин активирует чип, который, как он был уверен, прижился к его черепу.

Но теперь все было по-другому ... потому что теперь ему было все равно, сойдет ли он с корабля. Все, что он хотел, - это шанс попасть в Мадин, и он не получит его изнутри камеры.

Ради этого он был готов рискнуть всем - фактически, прямо сейчас, ради этого он охотно все выбросил.

Его не заботило, сколько это стоит, не заботило, что еще случилось; из-за Мадина ему нечего было терять... ничего. Он ждал столько, сколько мог, после того как его накормили. Казалось, что это всегда был поздний вечер, и он хотел, чтобы до его переезда было далеко за полночь, чтобы стражники были максимально утомлены. Хотя на самом деле он понятия не имел; его мысли были туманными слишком долго, и его чувство времени было одним из первых, что улетучилось.

Это и его чувство равновесия, которое могло оказаться очень плохим. Но все сводилось к следующему: ему нечего было терять, и он предпочел бы быть подстреленным моментом при попытке к бегству, чем подпитывать тщательно продуманные планы Мадина. Обменяйте все на один шанс ... этот единственный шанс на человека, который забрал у него все в нескольких словах шепотом ...

«Мы уже сделали это. Она уже мертва. Еще одна невинная жертва убийства из-за вас ... по правде говоря, двое».

Он провел время спиной к линзе, используя один из осколков пласта, чтобы начать разрыв рядом с краем грубого одеяла, которое у него было, медленно собирая его к себе, когда он стягивал узкую ленту ткани с верха. вниз, давая ему длинную тонкую полоску. Затем он сделал это снова, точно так же, как раньше. Все еще лежа, словно во сне, он взял осколки, которые ему удалось спасти, когда он разбил корпус вокодера, и связал их через равные промежутки времени на полосы, борясь с трясущимися руками. Более широкие, чем полоски ткани, твердые куски торчали то туда, то сюда из переплета.

Он собрал их, терзаемый сомнениями... не в этом; он знал, что это сработает. Если бы он мог подбросить полоску ткани близко к закрывающейся двери, когда поднимается вакуум, он сам сделает всю работу за него; он с безошибочной точностью протаскивал свободный конец ткани через щель, какой бы узкой она ни была - пока один из осколков не застревает в закрывающейся щели, лишь слегка нарушая уплотнение. Вакуум - вещь поисковая; ему потребовалось лишь малейшее проникновение, чтобы потерпеть неудачу... оставив его камеру открытой для силы этого вакуума из двойной стены за ее пределами.

И чем дольше эта печать оставалась открытой даже немного, тем больше она уменьшала давление в его камере, уменьшая ее до почти вакуума ... и чем больше этот вакуум выравнивался, тем меньше давление на дверь и тем легче было бы вытащить осколок освободился, оставив камеру в вакууме, даже если в коротком коридоре за ней снова давление. Итак, когда кто-то открыл дверь камеры в этот вакуум ... Быстрая декомпрессия. Он видел это несколько раз, когда на старых кораблях выходили из строя шлюзы.

Пройдя обучение быстрой декомпрессии, когда все еще летал с Разбойниками ... на самом деле прошел через это на самом деле однажды, когда повреждение взорвало купол его X-Wing в космосе ... в полном скафандре и с кислородной маской, поспешно привязанной место. На этот раз он этого не допустил. На этот раз все будет по-другому. Вот почему его сердце колотилось о ребра, когда он протянул дрожащую руку и провел по нижней стороне тяжелого каркаса койки.

Он вытащил скремблер из укрытия и вздохнул, выстраивая свои мысли в линию и прислушиваясь к щелчку в его дыхании, вызванному силой его собственного нерегулярного, бьющегося сердца. Грегги, головокружение, неспособность удерживать мысль дольше

нескольких минут, он знал, что это должно быть сейчас или никогда. Сунув скремблер в рот, Люк укусил и активировал его.

По сигналу двое ночных стражей прибыли в объектив наблюдения, думая, что исправляют ту же ошибку, что и обычно. Как обычно, Люк сел на краю койки и молча уставился на них, тяжелая цепь на его щиколотке звякнула, наталкиваясь на движение. Как обычно, он укусил и отключил скремблер, наблюдая, как они выходят из комнаты ... Когда дверь закрылась, Люк снова прикусил скремблер во рту, мгновенно активировав его, удерживая во рту во время работы. Когда наблюдение снова прекратилось, и дверь закрылась автоматически, Люк вытащил обшитую пласталью полосу и бросил ее, удерживая за один конец. Он развернулся, как живое существо, мягкий кончик достиг почти закрытой двери ...

В мгновение ока пылесос поглотил его, втягивая в закрывающуюся щель. Третий осколок пластали схватился с мучительным хрустом, чуть-чуть прервав печать. Торжествующий, Люк рванулся вперед к двери, зная, что его продолжающееся постепенное движение койки с тяжелым каркасом каждый раз, когда он отключит наблюдение, позволит ему дотянуться до нее с цепью на лодыжке, полностью растянутой. Сломанное уплотнение уже было отмечено резким шипением воздуха, когда вакуум снаружи, предназначенный для того, чтобы освободить только зазор между внутренней и внешней стенками ячейки, начал оказывать свое влияние через поврежденное дверное уплотнение в саму камеру.

Присев у двери, уже чувствуя изменение атмосферного давления, когда вакуум работал, чтобы удалить воздух из маленькой камеры, Люк, затаив дыхание, молился, чтобы он был прав в том, что этого недостаточно, и что он не может раздавить дверь полностью закрытой перед ней. очистил камеру от воздуха. Обеспокоенный скоростью, с которой он очищал камеру, он начал дышать короткими, короткими вдохами. Это был одиночный пилотаж в дальнем космосе; в вакууме вы могли прожить дольше, чем вы думали, но вам нужно было закрыть естественный дыхательный цикл организма, снизив уровень углекислого газа - вам нужно было гипервентилировать.

Уже закружившись, Люк упал лицом к едва приоткрытой двери, услышав последний цикл запирающей наружной двери, когда система передач внутренней двери его камеры безуспешно пыталась запечатать. Рядом с поврежденной печатью он вдохнул оставшийся кислород, который просвистел с угрожающей скоростью; если он ошибался и вакуума было достаточно, это могло быть очень короткое и затруднительное побег. Он делал ставку на две вещи: во-первых, поскольку они установили обычные замки на двери, он был почти уверен, что вакуумный насос здесь не совсем соответствовал исходным характеристикам, а во-вторых, даже в оригинале скорость декомпрессии не был бы смертельным по той простой причине, что камера изначально была спроектирована так, чтобы декомпрессия была достаточно быстрой, чтобы вырубить его..

Первоначальный дизайнер хотел его живым. Сделав несколько последних вдохов и почувствовав усиливающееся давление в легких, Люк с опозданием задумался, была ли эта попытка побега законной и разумной теорией, основанной на механике вакуума и двухнедельного пристального наблюдения, или явно нелепой идеей, основанной на натянутые иллюзии бесконечных коктейлей с наркотиками и двухнедельного лишения сна. Также оказалось, что было слишком поздно думать об этом.

Он усмехнулся при этой мысли, потрескивая свежие струпья на лице, до смешного забавляясь; в бреду - у него закружилась голова. В головокружении он сделал несколько последних вдохов, когда последний шепот воздуха удалялся прочь, а вместе с ними и шум все еще работающего механизма автоматического закрывания двери.

Инструкторы учили, что у вас есть примерно пятнадцать секунд полезного сознания в вакууме, может быть, то же самое при полусознательной дезориентации. Он должен был медленно выдохнуть, чтобы избежать серьезных повреждений, поскольку вакуум расширил кислород в его легких, но он не мог полностью освободить легкие. Пилотирование в дальнем космосе; он должен был помнить об этом, вплоть до потери сознания - не выдыхайте полностью и не вдыхайте, что бы ни случилось.

Забудь об этом, и ты умрешь. Упершись ногами в стену, все еще медленно выдыхая, чтобы уменьшить давление на легкие, когда кислород внутри расширялся, Люк продолжал натягивать полоску ткани, ожидая, когда она ослабнет, когда вакуум уравнивает давление на дверь. Свежие струпья на его руке снова начали сочиться кровью, когда она поднялась на поверхность под отрицательным давлением; почти вакуум.

Медленно выдохните. Не дыши. Они, должно быть, сейчас в панике; они наверняка поняли снаружи, что что-то происходит с вакуумом... действительно ли у них был способ контролировать это? Надо было подумать об этом раньше ... Почувствовав легкость натяжения полоски одеяла, Люк обернул полоску ткани вокруг своего тела, чтобы набрать достаточно силы, чтобы вытащить ее, и дернул изо всех сил, отталкиваясь от стены ногами. Автоматический механизм двери с лязгом захлопнулся, когда он вытащил препятствие и упал на спину, мир уже превратился в туманное пятно. Выдохните медленно...

Время тянулось, неспособность дышать оставляла Люка ощущение, будто он тонет на суше, хотя он знал, что если он сделает вдох сейчас, это, вероятно, убьет его при рекомпрессии ...

Его руки и ноги онемели, когда его тело подверглось баротравме, перекрыв доступ кислорода к ненужным конечностям.

Выдохнуть... Шум, приглушенный и слабый, слабые колебания в почти вакууме, когда коридор за дверью камеры снова сжался, сама камера содержалась в разжатом состоянии за счет запечатанной внутренней двери, воздуха внутри нет. Онемевшие чернильные тени просачивались из уголков поля зрения Люка, паника нарастала по мере того, как напряжение в его легких становилось все сильнее, противостоять ему было труднее. Это нормально, ты знал, что это произойдет. Не вдыхай ...

Слабые звуки, приглушенные закрытой внутренней дверцей и почти безвоздушным вакуумом камеры. Крик, шарканье ног в перекомпрессированном коридоре, когда охранники подошли к внутренней двери, ожидая, когда сработает внутренний замок, не зная, что в камере теперь вакуум. Не вдыхай ...

Руки уже посинели, затекли. Угасание сознания; они все еще были там? Не дыши ... еще на секунду, Сработало воспоминание, давно снится падение, утонуть в глубокой воде. Его легкие теперь горели, тяга к ним была невероятной, сознание падало ... На секунду дольше ...

Открой чертову дверь! Еще одна секунда... Его легкие были истощены, едва ли не задерживался вдох, чтобы защитить их от повторного сжатия, его грудь была заблокирована от невероятной потребности дышать, давление феноменальное, затуманенное зрение исчезло ... Нечеткий свет сбоку от двери сменился с красного на зеленый, когда замок открылся.

Дверь была вырвана внутрь под действием вакуума внутри камеры, ее верхняя петля вырвалась, когда она резко отскочила от стены, интенсивный поток воздуха в вакуум сбил обоих охранников с ног и бросил их через камеру. Последние остатки сознания Люка были вырваны силой быстрой рекомпрессии

Бешено колотящееся сердце... пестрый свет, тусклый и головокружительный... Люк втянул в себя огромный глоток воздуха, издавая бессловесные звуки, задыхаясь, борясь... Вверх; вставай! Он перекатился, когда он встал, неуклюже пытаясь встать под себя, в ушах звенел единым тоном, когда он с залитыми слезами глазами толкнулся к смятой кучке, которая была его стражей, лежащей рядом со стеной, очень неподвижной. Вставай! Он пополз, пытаясь встать. Мир пьяно закружился вокруг него и снова бросил его на четвереньки с криком разочарования.

" Вверх!" он прокричал это вслух, заставляя себя двигаться вперед, качаясь прямо и в сторону, как будто пол качался.

Его первая попытка схватить бластер на полу рядом с потерявшими сознание стражниками была полностью пропущена, и он снова упал на одно колено, мышцы дрожали, темно-алые капли брызнули на пол от кровотечения из носа.

На этот раз он получил его онемевшей, неустойчивой рукой, изо всех сил пытающейся удержать его, так что ему пришлось взять его вес обеими руками и упереть дуло в цепь, которая все еще удерживала его прижатым к тяжелой койке, которую также протащили на длину клетка в быстрой рекомпрессии, алая линия глубоко прорезана вокруг его лодыжки, где, должно быть, врезался переплет, когда он дернул его назад, без сознания.

Он произвел два выстрела в цепь, чтобы разбить ее, впервые за две недели бесплатно. Поднявшись, он пошатнулся к двери, качая головой, чтобы прочистить ее, протянул руку к дверному косяку, когда он чуть не упал вперед, изо всех сил пытаясь удержаться в вертикальном положении.

Потом он вышел из этой проклятой камеры! Все еще кружась, он издал дикий смех; он сделал это! Он сказал, что уйдет оттуда, и он это сделал! Он огляделся, зрение прояснилось.

Он находился в главном отсеке, который был в четыре раза больше внешней стены камеры. Выходы; нужен был выход, прежде чем это место начало заполняться. Взрыв прошел бы тихо, но наверняка где-то звучала тревога.

Сжимая бластер, Люк рывком двинулся вперед, держась за край бухты, его курс был неустойчивым, поскольку он каждый второй шаг опирался на стену для поддержки. Он огляделся по сторонам, не зная, куда идти, зная только, что ему нужно быть подальше отсюда; секунды, у него, наверное, были секунды до их прихода ...

Затем он оказался в коридоре, накачивая адреналином, и ему требовалась поддержка стены только каждые пять или шесть ступенек, бластер оставался в руке. Он не мог слышать сигнал тревоги, но тогда он мог слышать немного, кроме одного тона, рекомпрессия, вероятно, разорвала его барабанные перепонки.

Он поднес руку к одному, затем посмотрел; кровотечения нет. Он не стал проверять свой нос, потому что в глубине его горла по-прежнему ощущался сильный привкус крови, заставляя его глотать каждые несколько секунд. Конец коридора. Наугад выбрав направление, он взглянул в новый коридор и увидел защитную линзу на уровне крыши.

Подняв тяжелый бластер, он выстрелил в него, потребовалось шесть выстрелов, чтобы попасть в него, несмотря на то, что весь его вес лежал на стене позади него. Ему пришлось в голову задуматься, где его скремблер; он, должно быть, уронил его во время взрыва. Это означало, что ему нужно было использовать бластер, чтобы остановить наблюдение, а также всех исаламири, которых он видел.

Намерения медленно просачивались обратно в его сознание; ему нужен был петлевой коридор, чтобы, если он вытащит исаламири и линзы, которые попадутся ему на пути, то в конце концов он вернется к той же точке, с которой начал, с Мадином и его солдатами, все еще на буксире ... любой исаламири.

Он спотыкался, неуверенно стоя на ногах, зная, что у него адреналин, и зная, что это ненадолго. Но это было все, что ему сейчас нужно - этот единственный шанс в Мадине... этот единственный шанс.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1295361>